

Николай АСОНОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДОКТРИНЫ РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ КАК ФАКТОР ЦЕЛОСТНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Важнейшей альтернативой наступающему однополярному миру, который не только уничтожает цивилизационное многообразие, но и ведёт к усилению международной конфронтации, следует считать национальные политические доктрины, способные учитывать положительные особенности государственного и общественного развития. Россия здесь не является исключением. Её становление и развитие напрямую связано с теми политическими теориями, которые были приняты и реализованы в качестве государственных доктрин и стали неотъемлемой частью её духовной культуры.

Поэтому сегодня, когда на уровне государственной власти подчёркивается необходимость сохранения сложившегося исторического многообразия как важного условия успешного развития мировой цивилизации, а «поддержка национальных традиций» рассматривается «как залог стабильного, цивилизационного развития страны»¹, особое значение имеет обращение к теоретическому наследию нашего государства. Всё сказанное напрямую относится к политическим доктринам российского самодержавия, поскольку все они так или иначе работали на укрепление государственного единства, способного обеспечить стабильность страны и защитить её от внешней угрозы.

В период становления Российской государственности решающую роль в её идеологии играла славяно-православная цивилизация. На основе национальных управленческих традиций возникла доктрина самодержавной соборности. Хотя она не имела официального названия, её основные черты

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Российская газета, № 230. 6 ноября 2008, стр. 6.

сводились к признанию того, что Россия есть последний оплот православия. Её государь, став последним независимым православным правителем, должен сам держать власть и защищать интересы веры, ибо все православные «царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя»¹.

В соответствии с доктриной самодержавной соборности власть царя установлена Богом, тогда как власть императоров и королей не имеет Божественной санкции. Её «некто стяжал себе славными воинскими деяниями»². Эта доктрина уводила Россию от принципа феодальной раздробленности, согласно которому страна находилась в совместном владении всего рода Рюриковичей.

Следует сказать, что принцип соборности, ставший составной частью государственной доктрины России, не был синонимом западного парламентаризма. В нём видели институциональную основу социально-политического единства государства и общества, царя и народа. Поэтому борьба за ослабление власти государя в пользу тех или иных социальных групп не была свойственна духу соборности, ведь соборность восходила к традициям вечевых сборов и совета, существовавшего при князе. Кроме того, собор был принят православной церковью как единственный институт управления, решения которого имели высшую юридическую силу. Данное обстоятельство отразилось в создании Вселенских и Поместных соборов, на которые приглашались не только духовные, но и светские лица. Например, состав Поместного собора должен включать в себя равное число епископов, священников и мирян. Так на институциональном уровне отстаивалась целостность церкви, государства и общества. Подобный союз светской и

¹ Филофей. Послание о неблагоприятных днях и часах // Русская идея / Сост. Е. А. Васильев. – М., 2002, стр. 30.

² Маржерет Ж. Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. – Л., 1986, стр. 232.

духовной власти был закреплён ещё в решениях V Вселенского собора (VI в.) и получил название «симфонии двух властей»¹.

Вместе с тем соборность не подавляла национально-исторические и религиозные традиции управления на местах. Вечевые традиции в русском народе в виде сельского схода и казачьего круга оставались неизменными. Благодаря соборности, неизменными остались традиции управления у многих нерусских народов, вошедших в состав России. Однако в целях сохранения целостности государства власть была вынуждена опираться на самый многочисленный этнос и ту религию, которую исповедовало подавляющее число граждан России. Таким образом, титульная нация и православие становились системообразующим элементом России, защищая страну от превращения в «лоскутную империю» и последующего развала. На Западе Европы римские папы, а затем светские государи постепенно поставили свою власть выше соборности, заложив идеологические основы абсолютизма, известного как папоцезаризм и цезарепапизм. К ограничению подобной узурпации власти стал стремиться институт парламентаризма, делая это сначала в пользу феодалов, а затем – зажиточных кругов городского населения. Благодаря этому частные интересы отдельных социальных групп, рвущихся к политическому господству, стали доминировать над интересами сохранения стабильности и целостности государства, провоцируя социально-политические кризисы. Кризисы привели Запад к целой серии революций, затмивших по своей жестокости действия Ивана Грозного. Реформация католической церкви, начавшаяся в 1517 г., не только унесла сотни тысяч жизней и разрушила массу духовных центров Европы, но и расколола Запад на десятки враждующих конфессий и государств. Их вражда вылилась в небывалые по своей масштабности войны.

¹ Священник Алексей (Николин). Церковь и государство. – М., 1997, стр. 16.

Самой ужасной из них стала Тридцатилетняя война 1618–1648 гг., укрепившая политический раскол Германии и Италии на несколько веков. Доктрина самодержавной соборности помогла России сохранить целостность, преодолеть в начале XVII в. Смутное время и стать самым большим государством мира. Успешная внешняя политика и стабильность стали отличительной чертой государственной жизни при Фёдоре Ивановиче (1584–1598), в первые годы правления Бориса Годунова (1598–1601), Михаиле Фёдоровиче Романове (1613–1645), когда доктрина самодержавной соборности прочно утвердилась в идеологической подсистеме общества. В середине XVII в. лидеры светской и духовной власти приступили к религиозной реформе, в первую очередь преследуя политические интересы. Они стремились расположить к России те православные народы и церкви, которые находились в зависимости от католиков и мусульман, с целью включения их в состав единой православной державы под эгидой Москвы. Начатая при Иване Грозном унификация русского православия по древним канонам была отвергнута, поскольку противоречила поздним новациям, принятым в других православных церквях. Это вызвало массовый протест среди россиян. Значительная часть общества стала смотреть на реформаторов как на врагов национальной православной государственности, стремившихся вслед за греками и униатами приблизить Россию к «духовно оскудевшему» Западу.

Единственный выход в сложившейся ситуации, способный сохранить целостность государства, российская власть видела в переходе к абсолютизму. Формирование его доктрины завершилось в первой четверти XVIII в. К этому времени Россия отказалась от греческой ориентации и взяла курс на сближение с романо-германским миром, точнее с той его частью,

которая придерживалась консервативных взглядов и считала абсолютизм единственно верной формой правления¹.

Утвердившаяся при Петре I политическая доктрина российского абсолютизма предусматривала отказ от всех институтов соборного управления на государственном и церковном уровне. Вместе с ними уничтожался принцип «симфонии двух властей». В то же время сберегались традиционные соборно-вечевые формы организации власти на местах. Россия по-прежнему рассматривала себя как последний оплот православного мира и, стремясь войти в круг передовых просвещённых стран Европы, сохраняла известную долю обособленности от Запада. Сочетание подобных элементов придавало российскому абсолютизму национальный колорит, идущий от Московской Руси. Там же брала начало идея «тишины»: Россия понималась как оплот социально-политической стабильности. Об её границы должны разбиваться волны революций, грозящих разрушить христианскую государственность. Подобная специфика вполне позволяет трактовать новую национальную доктрину как доктрину самодержавного абсолютизма, имевшую выраженный национально-религиозный колорит.

Этот колорит во времена Екатерины II довольно ярко отразился в ходе русско-турецких войн 1768–1791 годов, когда ставилась задача возрождения православной Византийской империи, престол которой должен был занять брат Александра I Константин. При Николае I и Александре III национальная специфика доктрины самодержавного абсолютизма нашла выражение в теории «официальной народности», защищающей православные приоритеты в отечественной государственности, в том числе религиозное единение государя с народом, предотвращающее социально-политическую конфронтацию.

¹ Платонов С. Ф. Сочинения. – СПб., 1993, стр. 528.

Можно утверждать, что именно в целях сохранения стабильности страны власть не приняла призыв «славянофилов» к возвращению доктрины самодержавной соборности и принципа «симфонии священства и царства». Оставаясь в окружении враждебных цивилизаций, правительство России, в том числе и церковь, в институте патриаршества усматривало возможную политическую альтернативу высшей светской власти, которая при известных обстоятельствах, как, например, при патриархе Никоне, могла внести раскол в общество и вызвать опасное ослабление страны, выгодное иностранным государствам.

Длительная эпоха «тишины», существовавшая с 1815 по 1853 г., когда Россия находилась в зените своего военно-политического могущества, вновь привела к объединению против неё Востока и Запада. Поражение, понесённое Россией в Крымской войне 1853–56 гг., заставило власть искать новые пути к модернизации доктрины самодержавного абсолютизма в духе либеральных идей Запада. Проведённые реформы ставили своей целью постепенную либерализацию всей социально-политической жизни в России вплоть до введения Конституции. Начавшийся на этой почве рост революционной активности масс потребовал притормозить процесс модернизации. В последней четверти XIX в. государственная власть решила вернуться к доктрине самодержавного абсолютизма и возродить теорию «официальной народности». Считалось, что в условиях революционной активности эта доктрина способна в большей степени, чем либеральные новации Александра II, обеспечить стабильность и целостность России. В начале XX в. новый рост либерального и революционного движения поставил правительство Николая II перед историческим выбором. Надо было либо сохранять доктрину самодержавного абсолютизма в том виде, как она сложилась при Николае I и Александре III, либо идти на уступки оппозиции. Царь выбрал второй вариант. Манифест от 17 октября 1905 г. уничтожил доктрину самодержавного абсолютизма и утвердил новую политическую

доктрину Думской монархии. Её главной особенностью стало юридическое ограничение власти императора в пользу Государственной думы, носящей не соборный, а парламентский характер. В результате вместо примирения власти и оппозиции усилилась их конфронтация, которая закончилась в марте 1917 г. свержением монархии, потерей целостности страны и небывалой по своим масштабам гражданской войной. Отчуждение Временного правительства от основ национальной управленческой традиции стало одной из причин его падения и поражения белого движения, настроенного в пользу Учредительного собрания.

Большевики, взяв курс на превращение Советов из органа низового местного самоуправления в орган государственной власти, получили необходимую поддержку масс и смогли добиться победы. Многие видели в них ту политическую силу, которая берёт под защиту традиционную организацию власти, а значит, не является «чужой» для народа. Отказ большевиков от коалиционного правительства парламентского типа, ведущего к новой конфронтации между властью и оппозицией, сделал их единственной «самодержавной» партией во главе с непререкаемым «самодержавным» партийным лидером-вождём, наделённым широкой политической властью, равнозначной власти монарха. Верховный Совет при нём и съезды всех уровней указывали на возрождение принципов соборного устройства политической системы, подчёркивая единство господствующей политической силы с обществом. Был вновь возрождён институт патриаршества, начали работать церковные соборы – была воссоздана самодержавная соборность в рамках ведущей конфессии страны.

Возникшее сочетание институтов управления в условиях социалистической государственности позволяет говорить об утверждении в 40-е годы XX в. доктрины «советского самодержавия». Данное определение, безусловно, носит спорный характер, но довольно чётко отражает диалектическую суть сложившейся политической системы, даже несмотря на период «хрущёвской

оттепели», когда начались новые гонения на церковь и её политические идеалы. Тем не менее главный политический результат – сохранение целостности и могущества России – был достигнут. Стабильность и «тишина» стали положительным признаком эпохи развитого социализма. Начавшийся в ходе перестройки отход политической системы страны от доктрины «советского самодержавия» в пользу западного парламентаризма способствовал резкому ослаблению СССР, введя его в состояние глубокого системного кризиса и развала на целый ряд враждебных России государств, взятых под опеку другими цивилизациями.

Поэтому начатая В.В. Путиным модернизация политической системы России, безусловно, носит прогрессивный патриотический характер. «Проект Россия», «Приоритетные национальные проекты» и целый ряд иных документов не нацелены, как считают правые, на построение «выборного самодержавия» и возрождение «крепостничества». Мы видим желание власти преодолеть затянувшийся системный кризис, спровоцированный тем, что переход к строительству правового государства и гражданского общества шёл без учёта национально-исторической специфики России.

Согласно политическому опыту нашей страны, преодолеть его можно, если будут усилены позиции высшего эшелона власти. Поэтому увеличение сроков конституционных полномочий Президента и Государственной Думы до 6 и 5 лет будет работать только на пользу России.

Любое усиление оппозиции, рвущейся через парламент к политической власти, в условиях кризиса способно легко расшатать хрупкий социальный мир и привести к новому расколу государства. В данных условиях каждый проект, направленный на единение власти и оппозиции, государства и общества на основах укрепления института президентской власти, опирающейся на союзное единство с властью духовной, носит национальный соборный характер – характер сотрудничества. Без него нам не сохранить целостность России, её стабильность и процветание в наступившем веке.

АСОНОВ Николай Васильевич – к. и. н., доцент; кафедра социологии и политологии МосУ МВД РФ